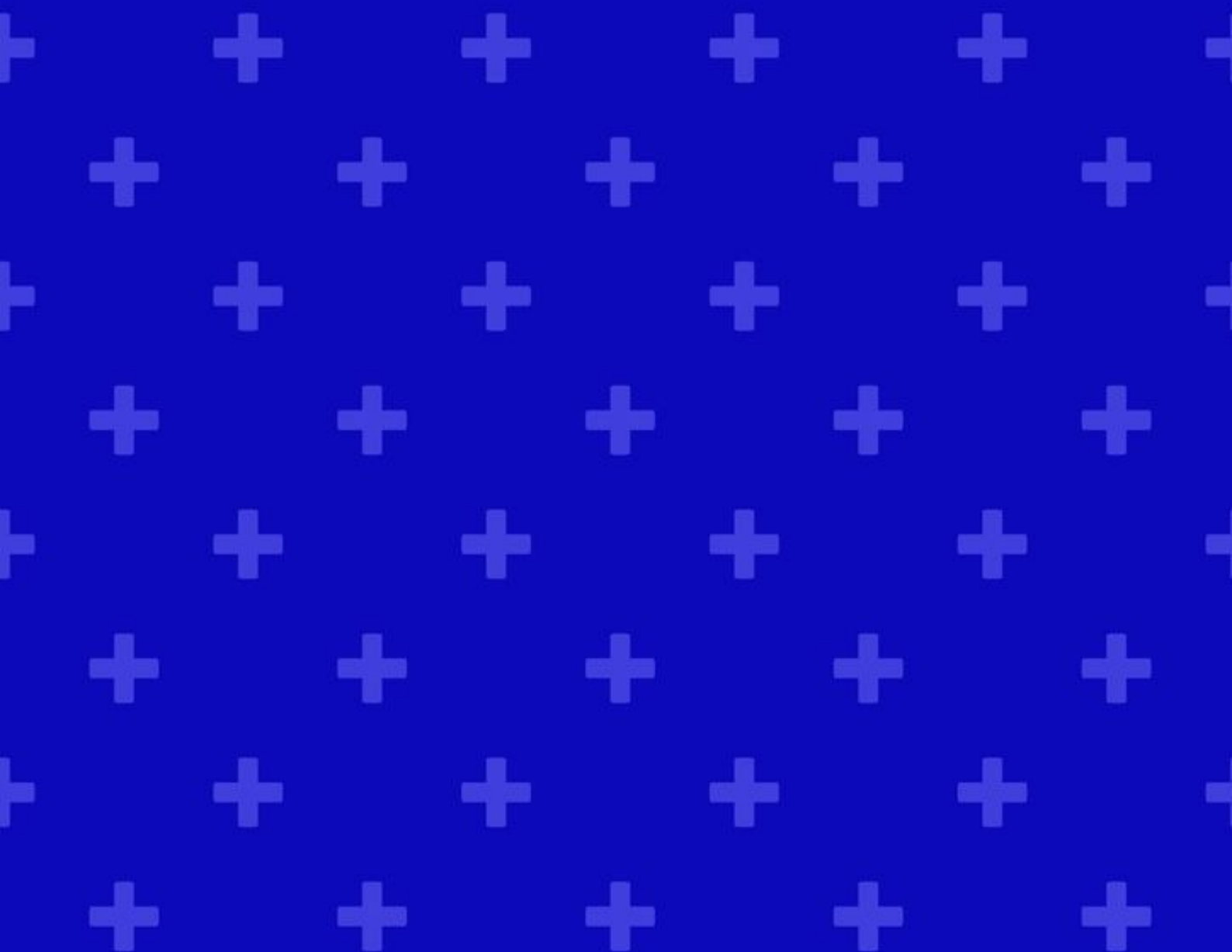

18+

Виктор Васильевич Кабакин

*Пансионат
«Кавказский рай»*

Виктор Кабакин

Пансионат «Кавказский рай»

«Издательские решения»

Кабакин В. В.

Пансионат «Кавказский рай» / В. В. Кабакин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532751-2

«Он очень романтично ухаживал. Лазил к ней на балкон по веревке. Ради букетика лаванды (ее любимого цветка) летал в другой город. Он был красив, обаятелен... Она тоже была настоящей красавицей. И чертовски популярна, потому что пела на эстраде модные шлягеры. Но однажды ее нашли мертвой. С перерезанными венами. А он бесследно исчез...». (Из аннотации издательства «Эксмо»)

ISBN 978-5-00-532751-2

© Кабакин В. В.
© Издательские решения

Содержание

Пансионат «Кавказский рай»	6
День первый	10
1	11
2	14
3	17
День второй	19
1	20
2	23
3	26
4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пансионат «Кавказский рай»

Виктор Васильевич Кабакин

© Виктор Васильевич Кабакин, 2021

ISBN 978-5-0053-2751-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Кабакин

Пансионат «Кавказский рай»

(остросюжетная повесть)

Ночной звонок, – увы, отнюдь не означает приятное известие. Никто не будет звонить ночью, чтобы поздравить тебя, к примеру, с праздником (если это, конечно, не Новый год) или сообщить о выигрыше в лотерею. Я должен был давно привыкнуть к ночным звонкам, они сопутствуют мне на протяжении уже добрых десяти лет, что делать – работа у меня такая. Однако каждый раз, когда спросонья хватаешь трубку, сердце замирает в тревожном ожидании. Что случилось на этот раз?

Сегодняшний звонок мне совершенно ни к чему. Накануне мы с женой отмечали очередную годовщину свадьбы. У нас три официальных семейных праздника: день нашей встречи, затем годовщина помолвки (это когда я сделал предложение моей Светлане) и, наконец, то, что мы праздновали вчера. Мы допоздна засиделись в недорогом кафе, танцевали, пили шампанское. Вернувшись домой, занимались любовью. Потом я пошлепал на кухню за новой бутылкой вина, мы разговаривали в полутьме шепотом и дурачились, уснули, естественно, далеко за полночь.

В отключенный мозг звонок телефона ворвался грохочущим тяжеловесным составом, который мчался на меня, грозя неумолимо сокрушить. С аппаратом в руке я натолкнулся в темноте на угол стола, чертыхнулся и посмотрел на жену, – конечно, она проснулась, хотя виду не показывает. Прикрыв за собой дверь, я включил в кухне бра, сел на диванчик у стены, подвинул поближе «дежурную» тетрадку для записей, ручку и только тогда выдохнул в трубку:

– Давай, Максимыч, выкладывай свои нехорошие новости.

– Почему нехорошие? – низкий мужской голос в трубке устало усмехнулся.

– За последние пять лет ни разу не помню, чтобы ты хоть раз позвонил по радостному поводу.

Работать с Комлевым и легко, и трудно. Он никогда не вредничает, не способен на подлость и ненавидит разные подковерные игры. Однако он наделен своеобразным чувством юмора, и то, что ему говорят, понимает буквально. Вот и сейчас он наставительно стал объяснять:

– Любая информация сама по себе нейтральна, все зависит от того, как к ней относиться. Может, я хочу предложить тебе съездить на курорт. Чем плохо? – он засмеялся, радуясь своей шутке.

– Ради этого ты звонишь мне в три часа ночи. – Я придал своему голосу как можно больше язвительности. – Мог бы подождать до завтра.

– Завтра ты должен быть уже там. – Голос в аппарате стал суховато-деловым. – Ты слышал, конечно, о самоубийстве певицы Софии Разумовской...

Я невольно вздрогнул. Вот этого мне только не хватало.

– Что молчишь?

– Слышал, – я постарался, чтобы Комлев не почувствовал волнения в моем голосе. Он, конечно, заметил, но выяснять причину не стал. Может, я поклонник ее таланта. Александр Максимович снова повторил фразу, правда, несколько изменив акценты в ней.

– О самоубийстве Разумовской или..., – Комлев помолчал, давая мне время проникнуться важностью сообщаемой информации, – ее убийстве.

И совсем уже будничным, бесцветным голосом, каким он обычно информировал собеседника о принятом и не подлежащем обсуждению решении, продолжил:

– Так вот, Сережа, требуется твоя помощь. По горячим следам ничего накопать не удалось. Да и разные подводные течения начинают проявляться. (Это надо понимать в том смысле,

что к делу проявляют повышенный интерес некие влиятельные лица). Поэтому переходим к затяжной осаде. А ты у нас, как всегда, главное стенобитное орудие. Завтра полетишь в Ессентуки. С твоим начальством согласовано. Поживешь в шикарном пансионате, подлечишься, попьешь целебной водички. Глядишь, кое-что и разузнаешь. Ты доволен? Завидую: на курорт едешь да еще в бархатный сезон. Детали обсудим утром у меня в кабинете. А сейчас извини, сильно занят.

Он бросил трубку. Я не обиделся на него. Мне ли не знать Комлева, следователя – «важняка» Генеральной прокуратуры, с которым приходилось раскрывать не одно убийство: и корреспондента популярной молодежной газеты, и модного тележурналиста, и известного политического деятеля... Мне ли не ведать, что Александр может сутками не вылезать из кабинета, анализируя сотни показаний свидетелей, оперативные сводки, заключения экспертиз, массу другой информации, планируя очередные ходы следствия и руководя своей немногочисленной командой. Для него не существует нераскрываемых преступлений. Он знает преступников – «клиентов» своих дел, как говорится, в лицо. Он, – и я не побоюсь этого определения, – гений следственной работы, талант от Бога.

Не его беда, что многие так называемые «громкие» дела до сих пор официально числятся нераскрытыми. Слишком влиятельны те люди, которые, как это нередко бывает, не желают, чтобы правда вышла наружу. У Комлева своя логика: не «прогибаясь» перед сильными мира сего, он и не лезет наобум, норовя сломать голову. Иногда лучше выждать, не предавая себя и будучи верным своему долгу...

Очень мало осталось таких, как он, людей, отдающих себя делу не за большие деньги, а только потому, что по-иному не могут. Из-за того, может, личная жизнь не сложилась у Александра Максимовича. Так и не нашлось женщины, которая сполна бы оценила редкие качества Комлева. Впрочем, какая женщина выдержала бы бешеную конкуренцию со стороны его работы, к тому же невысокооплачиваемой. Так и стала для бобыля Комлева работа женой, подругой и всем на свете.

Представить, что творится в эти дни в его кабинете нетрудно. Разбросанные по всему столу бумаги, поленица окурков в пепельнице, пол-литровая (его любимый объем) кружка с остывшим чаем, воздух, прокисший от табачного дыма, несмотря на вечно открытую форточку, и звонки по всем трем телефонам. Отовсюду: от своего начальства и чужого, из Думы и правительства, редакций газет, радио и телевидения, просто любопытных... Так бывает всегда, когда возникает «громкое» дело.

Я встал из-за стола и вышел на балкон. Августовская бархатно-золотистая московская ночь была в разгаре. Звезды висели прямо над головой, и их мерцающий свет окутал столицу. Дневной солнечный свет прозрачен и неделим, ночью же каждый звездный лучик индивидуален, как будто солирует свою партию, а все вместе они играют чарующую симфонию. Сейчас мелодия, которую они выводили, была грустной.

В моем рабочем столе лежала толстая папка газетных и журнальных вырезок о жизни Софии Разумовской за несколько лет. И другая папка – со статьями и заметками последних трех дней, прошедших после ее смерти. Не только профессиональным интересом руководствовался я, занимаясь этим не совсем обычным коллекционированием. Нет, не был я поклонником Разумовской, чем можно было бы объяснить пристрастие к данному занятию, которое свойственно фанату, влюбленному в поп-звезду и собирающему любые мелочи, касающиеся ее жизни...

Меня словно ударило током. На небе что-то изменилось. Звезды как будто почувствовали перемену в моем состоянии. В музыке ночи послышались пронзительно-ностальгические нотки, как будто кто-то, очень далекий, тихо и печально заиграл на флейте. Я вдруг отчетливо понял, скорее даже почувствовал, что никакого самоубийства Разумовской, о чем трубили все газеты, не было.

Было убийство – жестокое и коварное. Информация об этом словно пришла оттуда, из звездной беспредельности...

Сзади раздался легкий шорох. Я оглянулся: за моей спиной в ночной рубашке стояла жена и широко распахнутыми глазами смотрела на меня. Моя чуткая, внимательная жена сразу поняла, что случилось что-то неординарное, связанное не просто с работой. Более того, она сразу догадалась, что именно.

– Разумовская?

– Да, – кивнул я головой.

– Когда уезжаешь?

– Сегодня днем.

Она обняла меня. Моя жена знала все, что касалось моей личной жизни до нашей с ней встречи. В том числе, и о Разумовской.

* * *

Я люблю ночное звездное небо. Днем мы окружены суетой и повседневными заботами, звездная ночь как бы приобщает нас к секретам мироздания и в то же время помогает разгадать тайну вечности. Наверное, к этой тайне мы вплотную приближаемся в двух случаях: когда встречаемся со смертью и когда переполнены любовным чувством.

Около десяти лет назад в летнюю ночь мы лежали с Соней Разумовской, тогда еще отнюдь не знаменитой певицей, а обычной девчонкой, на пляже в Крыму. Позади нас был знаменитый Воронцовский парк, выше – гора Ай-Петри с огоньком на вершине, который из-за большого расстояния походил на одну из многочисленных звезд, охранявших наше любовное пристанище. Лунная дорожка, начинавшаяся в двух метрах от нас, устремлялась по асфальтовой поверхности моря к горизонту. Словно хотела показать, где мы находимся. Но мы меньше всего желали, чтобы кто-то нарушил наше уединение. Мы были молоды, веселы и беззаботны.

Мы познакомились сегодня утром на пляже, весь день провели вместе, были на вершине Ай-Петри, где ели в кафе мясо с тушеной картошкой, приготовленное особым способом в горшочках, и пили мацестовский херес.

Поздно вечером купались голышом в тепло-молочном море и теперь лежали, обнявшись под простыней, и смотрели друг другу в глаза. За весь день я так и не понял, какая она – Соня. Казалось, в ней уживаются совершенно разные, взаимоисключающие личности: от вульгарной девицы, способной при случае на грубость, да еще с матерком, до нежной души, замирающей в восторге от тонкого запаха цветка или вида живописного стебелька. Порывистые подростковые движения вдруг сменялись продолжительной задумчивостью, тогда она становилась вялой и отвечала невпопад. Сейчас она робко обнимала меня и словно неопытной рукой касалась моего тела. Однако за внешней стеснительностью скрывалась натура чувственная и глубокая, не терпящая половинчатости, отдающая себя всю, но и требующая взамен полной отдачи.

– Я знаю тебя всю жизнь, – шептали ее губы, а глаза сияли теплым серебром. И хотя это было неправдой, я вдруг поверил, что действительно и я знал ее всегда, причем до мельчайших подробностей – до малейшего изгиба ее тела, движения руки или оттенка голоса. Вдыхая тонкий аромат лаванды, которой пахли волосы Софьи, я провел рукой по ее спине. Она порывисто повернулась ко мне, и мы замерли в объятиях. Она действительно оказалась опытнее в любовных играх, чем можно было предположить вначале. Ее тонкие знающие пальцы устремлялись именно туда, где мне хотелось, чтобы они были. Собственно и мои руки не оставались без дела.

Когда я хотел перейти к следующему акту нашего упоительного спектакля, она решительно пресекла мои попытки. Так всемогущая госпожа осаживает дерзкого слугу. Она истощивала до конца каждое любовное мгновение, испивала медленными глотками каждый бокал наслаждения. Поэтому, когда мы перешли к завершающему эпизоду этой сладостной дегуста-

ции, я был так переполнен чувствами, что они вылились у меня потоком бессвязных слов. Изнемогая от страсти, я желал продлить ее бесконечно долго, впервые не хотел того восхитительного конца, после которого наступает расслабляющее облегчение, и, как мог, оттягивал окончание игры. Я сжимал ладонями голову Сони, мои жаркие губы, уткнувшись в ее ухо, плели сладкую паутину самых откровенных признаний.

Я шептал, что мы родились друг для друга, что нам суждено вечно быть вместе, а если мы все же умрем, то только от любви, но и там, в другом мире, наши судьбы будут неразделимы.

– Боже, как это красиво, – в изнеможении стонала она.

В тот момент я действительно чувствовал, что способен немедленно умереть от любви. Это были мгновения, вмещающие вечность.

...Единственная ночь с Соней Разумовской. На другой день она внезапно уехала, даже не попрощавшись, и исчезла из моей жизни навсегда. Позднее она стала появляться на экранах телевидения, ее голос лился из радиоприемников и магнитофонов. Однако никогда больше я не встречался с ней лично. Сначала страшно переживал, а потом понял, что наши отношения полностью исчерпали себя в ту, никогда незабываемую мною ночь любви, когда я готов был умереть. Однако умер не я, а София.

...Моя жена ушла спать, а я продолжал стоять на балконе. Побледневшие от надвигающегося утра звезды слегка подмигивали, словно желая по-братски утешить меня. В голове мелькнула мысль, что, может, мне не стоит завтра лететь в Эссентуки. Но, как случайный путник на обочине, она тут же исчезла. Я знал, что поеду и обязательно раскрою тайну гибели певицы Софии Разумовской.

День первый

1

Моя профессиональная карьера развивалась достаточно уверенно и успешно. Я занимался любимым, хотя нередко рискованным делом. В жизни всегда руководствовался двумя важнейшими принципами: первым, – не витать в облаках и не ставить перед собой нереальных задач; вторым, – обозначив цель, неуклонно добиваться ее осуществления.

К тридцати пяти годам я работал в ответственном подразделении, где мне поручались, как правило, сложные и важные дела.

Моя специальность на профессиональном жаргоне именуется «кротом», ибо я действую непосредственно в среде потенциального противника. Я один из секретных сотрудников специального подразделения, созданного в те времена, когда вконец обнаглевшие преступники, вместо того, чтобы сидеть в тюрьме и есть баланду, разъезжают в джипах и «Мерседесах», вкушают в ресторанах тартара из лосося, креветок по-королевски и копченых угрей, свидетели, опасаясь мести, боятся давать показания, а дела в судах часто разваливаются, как карточные домики. В общем, как вы понимаете, в наше время.

Мне очень не нравится, что преступники чувствуют себя королями, поэтому, когда мне предложили перевестись в это подразделение, я без колебаний согласился. Мы настолько законспирированы, что даже не знаем своих коллег по отделу. Только непосредственного начальника, который дает нам указания. При выполнении конкретного задания я замыкаюсь на руководителе группы.

Мое прикрытие по нынешнему делу хорошо обставлено. В этом, конечно, заслуга Александра Комлева. Прежде чем позвонить мне, он успел все продумать, о многом позаботиться. Мне в основном оставалось натянуть на себя маску персонажа, которого я должен буду изображать в этот раз, и начать жить его жизнью. Кем мне раньше только не приходилось быть!

Сейчас я стану журналистом известной газеты, имеющим высокие связи в Москве. Я приехал в Ессентуки, чтобы написать об изменениях, происшедших за последние годы в курортном деле, и перспективах его развития. Сбор материала на данную тему позволит мне вступать в контакты с самыми разными людьми, вникать в интересующие меня подробности, не вызывая подозрений. Очень удобное прикрытие. На случай непредвиденной проверки – моя командировка безупречна: редакционное задание подписано моим другом – главным редактором газеты. Об истинной цели моего визита на курорт он, естественно, не догадывался.

...И вот я на месте. За мной захлопнулась двойная дверь, и я очутился в апартаментах человека, привыкшего, судя по обстановке, потворствовать своим вкусам и пристрастиям. Модная мебель, выполненная по заказу, дорогой паркетный пол, украшенные картинами стены. В правом углу кабинета – маленький бассейн, вернее, каскад веселых журчащих фонтанчиков. Два небольших тропических деревца в кадках разветвились по краям искусственного водоема. Рядом панно с изображением почему-то не местных кавказских красот, как можно ожидать, а нездешнего океанского пляжа и пышных экзотических пальм.

На обширном столе стоял макет какого-то замка или крепости. Лежали безделушки в виде диковиной раковины и розоватого коралла. Слева от стола – мониторы, вмонтированные рядами в стену. На одном из них виден внешний вид ресторана с жующими людьми (было обеденное время); на другом показывалась площадка перед входом в пансионат, на третьем – вестибюль нижнего этажа с «Rezeption». Над мониторами висел дорогой египетский папирус, изображающий всевидящий глаз.

Хозяин кабинета, он же владелец пансионата Могилец Вольдемар Демидович, быстро поднялся из-за стола и с широкой улыбкой направился мне навстречу. Он был плотен, но очень подвижен, среднего роста, не стар, хотя и лысоват, округленное лицо его выражало массу удовольствия, словно я был для него самый приятный человек.

– Ждем, ждем, – повторял он, пожимая мою руку. – Звонили э... по поводу вас. – Он многозначительно поднял глаза и указательный палец вверх. (Молодец Комлев, устроил мне нужные звонки). – Ваш выбор чрезвычайно верен. Не покривлю душой, если э... признаюсь, лучших условий на всем курорте, чем в нашем пансионате, вам не предоставит никто. Все, так сказать, сливки общества останавливаются здесь.

Он мягко подвел меня к креслам, нажал кнопку на стене. За его спиной музыкально открылся бар, заставленный всевозможными бутылками. Он вопросительно взглянул на меня.

– Сок, пожалуйста, – коротко сказал я.

– Одобряю, чрезвычайно, – охотно согласился он. – Я и сам предпочитаю только натуральные соки. И, естественно, нашу эссендукскую водичку. Вы работать или отдыхать?

Под слоем безукоризненных манер и радушия моего собеседника я ощущал смесь хорошо скрываемой настороженности и отработанного прощупывания. Подвижное лицо Могилца, очень чуткое к малейшей смене душевного состояния собеседника, уставилось на меня с вопросительным вниманием. Я держал себя с достоинством и уверенностью человека, знающего себе цену, но хорошо воспитанного, чтобы это явно демонстрировать.

– У журналиста работа и отдых часто друг от друга неотделимы.

– Понимаю, понимаю, – с готовностью закивал головой мой собеседник. – У нас уже четыре дня от газетчиков и телевизионщиков отбоя нет. Вы, наверное, тоже по делу Разумовской. – Он сделал печальное лицо. —Такой э... ужасный случай.

– Нет, у меня другое задание, не связанное со смертью певицы. Я должен написать материал о состоянии и перспективах отечественного курортного дела. Хотя, конечно, если будут какие-то интересные новости по делу Разумовской, то... Покажите мне журналиста, который отказался бы от сенсационной информации.

– То-то вы, корреспонденты, все за сенсациями гоняетесь, – укоризненно покачал головой Могилец. – Хотя, конечно, к вам это не относится. Я читал ваши статьи – они глубоки, актуальны и талантливо написаны.

Я снова подумал о том, что хорошо иметь настоящих друзей. Ведь главный редактор газеты не только оформил мне редакционное задание, но и передал свой псевдоним, под которым обычно публиковался.

– Мне чрезвычайно симпатична э... ваша идея, – продолжал Могилец, – обратить внимание на болячки отечественных курортов. Я вам сейчас расскажу, насколько это важно. Люди тратят огромные деньги, уезжая отдыхать и лечиться за границу. Хотя у нас в России климатические условия и целебные свойства курортов не только не хуже, но по многим показателям значительно превосходят зарубежные. Один Северный Кавказ чего стоит. Кстати, американцы ежегодно закупают десятки тысяч бутылок нашей эссендукской водички. По несколько десятков долларов за бутылку. Поверьте, они э... зря денег на ветер не бросают. А мы все мотаемся по заграничным курортам. Конечно, сервис у нас пока не столь высокий, как хотелось бы, в этом плане еще предстоит много поработать. Однако некоторые деловые люди, во всяком случае, наиболее дальновидные из них, уже повернулись лицом к российскому курортному делу. Они справедливо полагают, что деньги, вложенные сюда, обернутся на пользу как им, так, естественно, и отдыхающим. Уверен, что в скором времени мы станем свидетелями отечественного курортного бума.

Последние слова Могилец произнес с пафосом. Да и вся его патетическая речь, сопровождаемая энергичной жестикуляцией, похоже, была рассчитана на то, чтобы у столичного журналиста не осталось сомнения, кто именно является тем дальновидным деловым человеком.

– Извините, – с обезоруживающей улыбкой произнес Могилец. – На тему Кавказских Минеральных Вод могу говорить бесконечно. Такой уж я патриот. У государства пока не доходят э... руки до того, чтобы нагнуться и взять с земли золотые слитки. Посмотрите, как

стремительно развился туристский бизнес, например, в Египте или Турции. Они получают миллионы долларов. Там поняли, как и откуда можно черпать деньги. У нас нет даже общегосударственной программы развития курортного дела. Каждый санаторий и пансионат выживает, как может. – Могилец с огорчением вздохнул. – Вот и ваш покорный слуга, болея так сказать душой за отечество, вносит свой скромный вклад в нужное и полезное дело. Впрочем, думаю, мы еще найдем э... время, чтобы подробно обсудить эту проблему. А сейчас, пожалуйста, устраивайтесь, отдыхайте с дороги.

Он задумчиво повертел перед собой бокал густо бордового вишневого сока и извиняющимся голосом заметил:

– К сожалению, у нас сейчас нет ни одного свободного места. Из-за самоубийства Разумовской здесь нынче наплыв любителей «жареных фактов». Но для вас мы все-таки приготовили один из лучших номеров. – Он помолчал, как бы размышляя, стоит ли продолжать. – Правда, в нем проживала Софья Разумовская. Вас э... так сказать, это не шокирует?

Вот так повезло, подумал я. И сделал рукой успокаивающий жест;

– Я не суеверен. Более того, будучи большим поклонником ее таланта, сочту за честь поселиться в номере известной певицы. Может, это вдохновит меня на что-нибудь этакое...

Кажется, становлюсь циником, снова подумал я про себя. Неужели артисты из-за необходимости постоянного перевоплощения тоже являются лицемерами? Глупости, конечно. Хотя надо подумать об этом на досуге.

– Вы меня разочаровываете, – грустно заметил Могилец. – Начинаете гоняться за дешевой сенсацией. Увы, мы настолько очерствели, что даже после смерти не можем оставить человека в покое.

Я не успел ответить, так как в комнату вошла секретарша, неся поднос с двумя чашечками кофе и вазочку с печеньем. Могилец мгновенно переменялся в лице. От его учтивости не осталось и следа. Он холодно уставился на секретаршу.

– Вам что?

– Вот, кофе принесла, – пролепетала молодая женщина.

– Разве я заказывал? – в глазах Могильца сверкнула тигриная желтизна.

– Но вы сами велели перед приходом этого господина приготовить кофе, – стала оправдываться секретарша, бросив на меня растерянный взгляд.

– Еще один такой прокол, и вы будете уволены, – с нажимом произнес Могилец. – Если я занят, войти сюда можно только по моему вызову. Идите.

– Не обращайтесь внимания, – продолжал он после ухода подчиненной, снова превращаясь в гостеприимного хозяина. – Увы, персонал надо постоянно держать в кулаке, иначе он распухнет.

Я поднялся с места. На прощание Могилец сказал.

– Желаю хорошего отдыха. У нас прекрасные врачи, воспользуйтесь возможностью пройти курс санаторного лечения. Для вас, естественно, бесплатно, я распоряжусь.

2

В двухкомнатном люксе была белая мебель. В спальне место боковой стены занимал шкаф-купе с тремя зеркалами от пола до потолка. В них отражались широкая кровать с тумбочками в изголовье и туалетный столик с пуфиком. Гостиную, как обычно, украшали мягкая мебель, сервант, набитый хрустальной посудой, с баром и встроенным холодильником, телевизор и видеоплеер. Сопровождавший меня носильщик в униформе сказал, что номер только сегодня утром привели в порядок, до этого в связи со смертью Разумовской он был опечатан.

Я развалился на кровати, наблюдая себя сразу в трех зеркалах, и думал о том, что несколько дней назад здесь спала, ходила, причесывалась, красилась, курила, принимала гостей, одним словом, жила известная певица и моя первая любовь Софья Разумовская. Казалось, в воздухе еще витал ее запах.

Я был рад, что удалось поселиться именно в ее номере. Отнюдь не из ностальгических чувств. Пусть не покажутся кощунственными мои слова, но, как профессионалу, мне нравится расследовать и раскрывать преступления, подобные убийству Разумовской. За ними, как правило, всегда скрывается какая-то очень важная тайна...

Итак, отрешившись от образа той, давнишней Софии, я стал анализировать имеющуюся у меня на сегодняшний день информацию.

Разумовская до своей гибели была популярной звездой, исполнявшей в основном песенки-минутки типа «Миша – дорогой мой пилот, возьми меня с собой в полет», или «Бай, бай, бай, меня не забывай. Знай, знай, знай, тебя я не люблю...» Почему-то с ударением в слове «люблю» на первом слоге. Как певица, Разумовская казалась мне довольно безвкусной, даже вульгарной. У нее были красивые ноги, которые она любила демонстрировать, носясь по сцене и крутя короткой юбкой, взметавшейся до трусиков. Но сопровождала она свои песенки таким темпераментом и азартом, что за эффектом исполнения скрывалась их легковесность. Низковатый, чуть «расщепленный» голос певицы вел слушателя за собой, как поводырь слепца. Публика, завороченная ее темпераментом и голосом, не особенно вслушивалась в то, что именно она пела.

Что касается личной жизни певицы, то смакование любовных (подлинных или мнимых) похождения Софочки не сходило со страниц газет и журналов. Муссировались слухи, что она снялась в сверхэротическом клипе, показывать который осмеливались только глубокой ночью. Меня же моральный облик певицы интересовал постольку, поскольку он мог способствовать уяснению механизма преступления.

Таким образом, вырисовывается первая версия – убийство на любовной почве. Поводом могла быть измена, а мотивами ревность, месть или обида брошенного любовника.

Шоу-бизнес, в котором вращалась Разумовская, никогда не отличался чистоплотностью. Мне ли, участвовавшему не так давно в раскрытии убийства популярного артиста, не знать об этом. Гибель может произойти из-за нелепейшего случая, даже ссоры исполнителей по поводу того, кому за кем выступать на сцене. Что делать, артисты, как дети, – народ чрезвычайно эмоциональный, вспыльчивый, самолюбивый. Шоу-бизнес, словно – айсберг: на поверхности лишь сверкающая верхушка, а девять десятых скрывается в глубине. И в этой невидимой мгле бушуют нешуточные бури, замешанные на деньгах, амбициях, ненависти, поклонении...

Итак, следующая версия – убийство на почве противоречий в шоу-бизнесе. Мотивы – корысть, алчность, месть, зависть, слепая ярость фанатика. Поводы – самые разнообразные...

Наконец, преобладающее ныне мнение – самоубийство. Казалось бы, самая очевидная версия. Разумовская была обнаружена дежурной медсестрой во время принятия ванны с перерезанными венами. На дне ванной лежало лезвие бритвы. По заключению экспертизы, смерть наступила от потери крови и удушья – вода закрыла дыхательные пути. Свидетелей смерти,

естественно, не было. Согласно объяснению медсестры, никто в процедурную комнату не проник.

Однако, помимо моей интуиции, которая не принимала версию самоубийства, имелось еще одно важное обстоятельство, ставившее ее под сомнение. Я обратил на него внимание, когда знакомился с материалами следствия – объяснениями и протоколами допросов. Была одна тонкость очевидная для специалиста, хотя, на первый взгляд, все выглядело достаточно логично. Следователь настойчиво задавал каждому, кто общался в последнее время с Разумовской, в целом достаточно простой вопрос: не наблюдал ли кто-нибудь какие-либо странности в поведении Разумовской?

Вот ответ импресарио Витольского: «Она всегда была не совсем обычной женщиной. Не знаешь, что можно ожидать от нее в следующий момент».

Бывший любовник певицы Казарин ответил так: «Удивительно, что она совершила такое только вчера. (Допрос производился на следующий день после гибели Софии). По своему характеру она должна была уже десять раз сделать себе хакари».

Более обстоятельно коснулся этой темы последний любовник Софии киноактер Игорь Меньшин: «Она не раз заявляла, что наложит на себя руки, если я брошу ее».

Вопрос следователя: «Почему?»

«Наверное, боялась, что и в самом деле расстанусь с ней».

«Вы, действительно, ее бросили?»

«Нет. Хотя долго находиться с ней рядом порой становилось невмоготу».

«Почему?»

«Она не терпела никаких возражений. Мы с ней часто ссорились».

«А в день ее смерти вы тоже были в ссоре?»

«Мы с ней в тот день тысячу раз ссорились и мирились...»

Для профессионала ясно, зачем следователь так акцентировал внимание на данном обстоятельстве. Действительно, если связать особенности личности Разумовской, ее импульсивность и противоречивость, с картиной ее смерти, то вывод о самоубийстве напрашивается сам собой. Таким достаточно примитивным способом следователь создавал себе гарантии служебной безопасности на случай, если не удастся отыскать факты, свидетельствующие об убийстве, и дело «зависнет», то есть перейдет в разряд нераскрытых.

Или действовал согласно чьей-то установке (что очень может быть, учитывая неоднозначную характеристику Разумовской и ее видное положение в светском обществе). В таком случае дело просто-напросто прекращается за отсутствием события или состава преступления и мирно кладется в архив.

Чтобы загубить любое дело, не надо даже явно нарушать закон. Нужно просто превратить его в «жвачку». Профессионалу сделать это нетрудно. Такую жвачку можно мусолить месяцами, годами, периодически выплевывая сжеванные куски и, брызгая перед общественностью слюнями, убеждать ее в том, что, мол, проверяется еще одна версия, надо допросить очередную партию свидетелей, провести новую длительную экспертизу... Неспециалисту трудно разобраться, где и когда прекратилось настоящее расследование и началась обычная жвачка.

На этом весьма интересном месте мои размышления были прерваны вежливым негромким стуком. В номер вошла молодая горничная в синей униформе: коротком жакете и юбке с белым вышитым передником. На пышной прическе короткая шапочка с вензелем пансионата.

Она сделала старомодный книксен и спросила:

– Вольдемар Демидович велел узнать, не желаете вы получить для работы компьютер. Вам принесут в номер.

– Скажите Вольдемару Демидовичу, что я весьма благодарен за заботу, однако предпочитаю обходиться традиционными орудиями производства – пером и чистым листом бумаги.

– Не нужно ли вам еще что-нибудь?

Я отрицательно помотал головой. Она снова присела в книксене, развернулась и направилась к выходу. В прихожей она вдруг наклонилась и что-то подняла с пола. Испуганно повернулась ко мне.

– В чем дело? – спросил я.

– Прошу вас меня извинить. Номер готовился в большой спешке и вот... Не заметили и не убрали.

В руках девушка держала полузавядший букетик мелких синих цветов – лаванды.

– Откуда здесь цветы? – Я сделал изумленное лицо.

– София Петровна держала этот букетик у себя в вазочке на туалетном столике. Умоляю вас, ничего не говорите Вольдемару Демидовичу, иначе меня накажут. Он у нас страшно не любит беспорядка.

Он может, подумал я, вспомнив случай с секретаршей.

– Я никому не скажу. Пусть это будет нашей маленькой тайной. Однако за эту услугу вы должны мне отплатить.

– Что я должна сделать? – расширенными от удивления глазами она уставилась на меня.

– Как вас зовут?

– Роза.

– Вы и в самом деле словно роза, – скаламбурил я.

Щеки девушки заалели.

– Дайте мне на память этот букетик. Я был большим почитателем таланта Софии Разумовской.

– Да, конечно, возьмите, – она с облегченным вздохом положила букетик на стол.

– Эти цветы, наверное, тоже подарок какого-нибудь ее поклонника? —спросил я.

Роза в смятении помолчала, а потом ответила:

– Извините, нам не велено говорить на эту тему. Разрешите мне уйти?

Я кивнул. В третий раз, опустившись в книксен (никогда в жизни женщина не раздавала мне столько поклонов), горничная ушла. А я стал готовиться к ужину.

3

Я сразу почувствовал за столом атмосферу ядовитых паров. Так бывает порой в электричке или вагоне метро в «гнилую» зиму, когда спереди, сзади и сбоку – одним словом, всюду чихают, кашляют и сморкаются. Ты находишься в окружении зараженного воздуха и почти физически ощущаешь, как болезнетворные бактерии проникают в тебя. Невозможно уклониться от них и нельзя определить, какая станет роковой и заразит тебя простудой, гриппом и прочими малоприятными вещами.

Так и сейчас. Ядовитые микробы холодности и даже неприязни витали вокруг меня. Они явно исходили от мужчины и женщины, сидевших за столом напротив. Сквозь зубы поздравившись, когда метрдотель подвел меня к столу, они, хотя мы были абсолютно незнакомы, сразу стали подчеркивать дистанцию, отторгать меня, словно я был для них инородным телом.

Нисколько не смущаясь данным обстоятельством, я принялся за ужин.

– Разрешите представиться, Витольский Альберт Францевич, собственной персоной. Шоумен.

Грузный мужчина средних лет с пышной шевелюрой и красным, слегка отечным лицом, шумно плюхнулся в кресло справа от меня.

– Весьма приятно. Левашов Сергей Петрович, журналист, – в тон ему отозвался я.

– На труп всегда собираются шакалы и грифы, – зло бросила женщина.

Эффектная крашеная блондинка, она часто морщила нос, словно ее мучил насморк. Лицо ее при этом сплющивалось, становилось маленьким и некрасивым.

Я размышлял, какую роль выгодно играть сейчас. Этакого плейбоя, разбитного малого, которому все сходит с рук? А, может быть, некоторой загадочной личности, с намеком на большие связи?

– Я видел, как перед обедом вы подъехали на белоснежном «Мерседесе», – почтительно произнес Витольский.

– Я был на приеме у губернатора, – небрежно бросил я. – Его представитель встречал меня в аэропорту.

Ядовитые пары, витавшие над столом, стали незаметно рассеиваться, уступив место выжидательной тишине. Роль моя, кажется, определилась.

– Вы знакомы с губернатором? – словно только что увидев меня, спросил мужчина напротив. – Ах, простите, разрешите представиться – Меньшин Игорь Игнатьевич.

Конечно, мне знакомо было (не только по протоколу допроса) имя довольно известного актера, заявившего о себе на недавнем сочинском «Кинотавре». И Меньшин, очевидно, ожидал от меня соответствующей реакции. Однако я даже ухом не повел.

– Мы с губернатором приятели, – коротко бросил я. – На днях он приглашает меня на кабанью охоту.

– Боже, как интересно, – с легкостью отбросив недавнюю неприязнь, проявила откровенную заинтересованность к моей персоне Лера – соседка Меньшина. Ее переменчивые с зеленоватыми прожилками глаза, только что прикрытые холодным непроницаемым флером, заискрились. – Неужели здесь водятся кабаны? Я думала, они давно вымерли.

– Они обитают в здешних горах, – подтвердил я. – И не только кабаны, но и горные козлы, волки, даже рыси и бурые медведи. Охота на кабанов – штука, скажу вам, презабавная. Загонщики находят зверя и гонят его к месту, где заранее спрятались охотники. Кричат, стучат, трубят, одним словом, чем больше шума, тем лучше. Но ты – ни гу-гу. Зверь выскакивает в твой сектор, и вот здесь важно не потерять присутствие духа и точно выстрелить. Все, как видите, просто. Правда, много тонкостей: надо и направление ветра учесть, чтобы зверь охотников не учуял, и пространства должно быть достаточно, чтобы соседа выстрелом не зацепить.

Он ведь, как и ты, в засаде сидит. Разъяренный кабан всегда опасен, может и на человека броситься. Зато какое наслаждение – шашлычок из кабаньей свежатинки или копченый окорок. Да под холодную водочку.

Лазурь Лериных глаз покрылась влажной завлекающей поволокой. От былой отчужденности не осталось и следа. Передо мной сидела неотразимая женщина, распушившая свои перышки, явно желавшая понравиться мужчине. И этим мужчиной был я.

– Какая прелесть! – восхищенно воскликнула она и капризно заявила: – Я хочу на охоту.

Меньшин недовольно покосился на нее и холодно заметил:

– Я считаю, что охота есть не что иное, как пережиток варварства, атавизм, если хотите. Что за удовольствие: вооруженные до зубов люди и беспомощный загнанный зверь. Да еще восторг дикаря, убившего беззащитное животное.

Шоумен Витольский, внимательно слушавший наш диалог, от этих слов крякнул от удовольствия и повернулся ко мне в ожидании ответа.

– Не скажите, – возразил я. – На охоте встречаются две силы: природа и разум, хитрость и мощь зверя с умом и расчетливостью человека. И вопрос еще, кто кого победит. Кстати, известны случаи, когда кабан набрасывался на охотника, калечил и даже убивал его. Что касается явлений дикарства и варварства, то думаю, они в полной мере проявляются не на охоте, а в нашем, так называемом, цивилизованном обществе.

Меньшин посмотрел на меня таким взглядом, что стало понятно: отныне я нажил себе врага.

– Охота – это такая прелесть, – снова восхитилась Лера.

– Дикость, – скривил губы Меньшин.

– Сергей, вы душка, – не унималась Лера, воскликнув так громко, что с соседнего столика на нас стали оглядываться. – Дайте слово, что возьмете меня на охоту.

Как бы желая умерить пыл соседки, Игорь Меньшин накрыл своей ладонью руку Леры. Она резко, с нескрываемым негодованием одернула ее.

– Отстань от меня, слизняк. Раньше надо было думать, когда якшался с этой... Запомни, я буду делать все, что мне захочется. Ты мне не указ.

И она громко захохотала. Витольский обратился ко мне с подчеркнутой вежливостью:

– Ваш рассказ чрезвычайно интересен. И все же, где находятся эти прекрасные охотничьи места. Глядишь, мы как-нибудь соберемся на охоту. Правда, друзья? Если, конечно, это не секрет.

– Не секрет. Охотничьи угодья находятся недалеко от перевала Гумбаши. Надеюсь вам знакомо это место?

Невозмутимый Витольский вдруг поперхнулся и закашлялся. Меньшин усмехнулся, а кукольное лицо Леры застыло в напряженной маске.

– Неужели не были в этом райском местечке, – как бы ничего не заметив, удивился я.

– Были, – неохотно выдал Витольский.

День второй

1

Вода была красноватой и распространяла легкий аромат лаванды. Пузырьки воздуха – «жемчужины» поднимались со дна ванны, приятно щекотали кожу и, бурля, взрывались на поверхности воды. Успокаивающе играла негромкая мелодия Джеймса Ласта.

– В моей профессии иногда бывают весьма недурственные мгновения, – расслабленно думал я, устраиваясь поудобнее и отдаваясь ощущению умиротворенности.

Только что высокая, статная медсестра налила в ванну воды, бросила туда мерку лавандового экстракта. Ее движения были спокойны, неторопливы, даже швабру, которой девушка смахнула капли воды с кафельного пола, она держала с каким-то величавым достоинством. Она не красовалась, просто изящество заложено в нее от природы. Улыбнувшись и пожелав приятного отдыха, медсестра уплыла, гордо неся на густой копне бронзовых волос белый колпак, словно это была королевская корона.

Ни тени волнения на лице, думал я. А ведь она первая столкнулась с последствиями ужасного преступления, имевшего место в этой комнате с неделю назад. Я почти наизусть помню показания медсестры.

Войдя в ванную, где лежала София, она сначала никак не могла понять, почему вода такая алая. Лаванда придает воде красноватый оттенок, но не настолько же. Поняв, в чем дело, хладнокровная девушка не впала в истерику, немедленно вызвала администратора. Однако тот только спустя десять минут сообщил о происшедшем Могильцу (его в это время не было на месте). Могилец велел вызвать милицию, сам спустился в процедурный кабинет, причитая:

– Какое несчастье! Надо же такой беде случиться...

Однако каким образом преступник умудрился попасть в ванную комнату? – размышлял я. Здесь спрятаться явно не мог – негде. Через дверь, в которую вошла Разумовская, тоже нельзя. Она заперлась изнутри. Остается вторая дверь в раздевалку, где мог находиться предыдущий пациент, принимавший ванну до Софии.

Дело в том, что раздевалка перегородкой разделялась на два отсека с разными дверями, – пока один пациент одевался после ванны, другой, в соседнем отсеке, готовился к ее приему. Известно, кто был предыдущим. Некто Пырев. Его объяснения просты: мол, оделся и ушел, представления не имел о том, кто принимал ванну после меня.

Из раздевалки – выход в комнату отдыха посетителей. В тот роковой момент там находились три женщины. Они сидели в креслах, болтали, рассматривали журналы мод. По словам одной из них, Пырев вышел из своей раздевалки спустя пятнадцать минут после того, как туда зашла Разумовская. И был странно бледен. Если женщина не ошиблась, то ее наблюдение весьма интересно. Сколько надо времени, чтобы натянуть на себя футболку и шорты? От силы пара минут. Добавим еще две-три минуты – на вытирание. Что Пырев делал остальное время? Над этим стоит подумать.

Есть еще одна дверь в ванную комнату – напротив раздевалки. Эта отдельный вход для медсестры. Водные процедуры могут одновременно в разных изолированных кабинетах принимать пять человек. Все они располагаются по соседству друг с другом. Медсестра, уложив одного пациента, выходит через дверь в служебный коридор, вдоль которого расположены ванны, заходит в следующую комнату, и так пока не уложит очередную смену. Затем направляется в свой кабинет. По инструкции медсестра в середине сеанса должна обойти ванны и поинтересоваться, все ли в порядке. Но иногда она этого не делает, так как некоторые клиенты недовольны тем, что их отвлекают от расслабляющего кайфа.

Таким образом, в течение, примерно, пятнадцати минут с момента, когда сестра уложит пациентов, а затем идет поднимать их, служебный коридор может пустовать. Этого времени достаточно, чтобы незаметно пробраться по нему из одной ванной комнаты в другую, совер-

шить злодейство и вернуться обратно. Поскольку София не поднимала тревогу, напрашивается единственный вывод, что ее «навестил» хорошо знакомый ей человек, которому она доверяла.

Кто вместе с ней по соседству принимал ванны – также известно. Это все те же Меньшин, Лера, Витольский и прежний любовник Разумовской – музыкант Казарин. Квнтет обычно досуг проводил вместе. Их называли здесь «не разлей вода», а иногда с насмешливым намеком – «странная семейка». Вот, еще одна информация для глубокого, продуктивного анализа.

Я дернул шнур, висевший справа от меня, – вызов медсестры. Через пару минут она появилась в дверях.

– Что вам угодно? – она слегка наклонила голову, выжидательно глядя на меня.

– У меня остыла вода, нельзя ли добавить теплой?

Медсестра нажала кнопку в стене, и я почувствовал, как приятная струя снизу обдала мое тело.

– Замечательно, – восхитился я. – Оборудование у вас здесь превосходное.

– У нас все здесь самое совершенное, – с достоинством произнесла королева ванного комбината и выразила готовность уйти.

Я уже знал, что персоналу в этом заведении под страхом увольнения дана строжайшая установка, не вступать в какие-либо внеслужебные разговоры с пациентами. Местом здесь дорожат. Я срочно придумывал, чем мне привлечь неприступную медсестру.

– Извините, я впервые принимаю лечебную ванну и не знаю, как вести себя после нее.

– Поднимитесь в номер и отдохните в течение получаса. Лучше лежать. Но не спать и не читать. Расслабьтесь, думайте о чем-либо легком. Тогда успокаивающий и лечебный эффект ванны будет максимальным.

– Вряд ли я буду способен думать о чем-либо приятном.

– У вас что-то не в порядке?

– Меня поселили в номере, где недавно жила София Разумовская. Так что сами понимаете.

– Я это заметила по вашей курортной книжке. Ужасный случай. Кстати, она, как и вы, любила, чтобы я ей горячую воду наливала.

– Ужасный случай, – повторил я вслед за ней. – Мне всегда казалось, что человек, решившийся на такое, должен вести себя как-то иначе, чем обычно.

Медсестра в нерешительности потопталась на месте, но, видно, желание поговорить на волнующую тему оказалось сильнее запрета.

– Она вела себя, как всегда. По-моему, даже что-то напевала. Надела на голову чепчик, чтобы волосы не замочить, попросила меня насыпать в воду побольше лаванды, улеглась в ванну, заявила, что сейчас будет впадать в нирвану, и закрыла глаза. Я пожелала ей приятного отдыха и ушла укладывать остальных пациентов. Она велела не беспокоить во время приема ванны. Поэтому до конца процедуры я к ней не подходила.

Я подумал, что Нина – имя девушки вышито на бирке, приколотой к груди, – ощущала некоторую вину за происшедшее. И руководство, конечно, в укор ей ставило, что она инструкцию нарушила. Поэтому вольно или невольно она должна искать оправдания своих действий и моральную поддержку.

– Думаю, если бы в ванной комнате происходило что-то необычное, к примеру, возгласы, крики, шум, то вы бы обязательно их услышали...

– Шума никакого не было, – строго сказала Нина. Ее лицо вдруг омрачилось какой-то мыслью и, помолчав, она добавила. – Но больше всего меня возмутило вот это.

Медсестра достала из широкого кармана халата журнал и показала мне. Во весь размер обложки была изображена она сама. На фотографии ее лицо выражало высшую степень испуга. Широко раскрытыми от ужаса глазами она смотрела на кого-то прямо перед собой. Ясно видна была дверь за спиной Нины – та самая, возле которой она сейчас стояла.

Нетрудно догадаться, что снимок был сделан, как говорится, с природы и, похоже, именно в тот момент, когда медсестра обнаружила тело певицы.

– Вот вы – известный журналист (удивительно, как моментально здесь распространяется информация), скажите, разве это не подло. Я имею в виду то, что здесь написано.

Я взял журнал – одно из многочисленных ныне изданий, живущих за счет дешевых сенсаций, вымыслов и домыслов. Типичная «желтая» пресса. На глянцевого обложке через всю полосу шел заголовок: «Медсестра проспала смерть знаменитой певицы!» Меня, конечно, больше всего интересовало другое – откуда снимок?

– Я совсем не спала, – возмущалась Нина, – а работала. Однако меня осрамили на всю страну. За что? Разве я виновата, что именно в мое дежурство такое произошло? Мне теперь грозит увольнение с работы. Попадись мне этот писака, я бы его... Неужели нельзя оставить человека в покое?

Произожди нечто подобное с какой-нибудь медсестрой на Западе, подумал я, она бы, как Моника Левински, выжала из ситуации целое состояние. Надавала бы кучу интервью, села за мемуары, да еще насочиняла бы всяких небылиц. А этой женщине – просто обидно, и она хочет, чтобы ее не беспокоили.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Вы ни в чем не виноваты. Среди журналистов, как и везде, есть, к сожалению, люди нечистоплотные. Давайте сделаем так: вы мне подробно расскажете все, как было. Мы напечатаем, и статья будет опровержением этой лживой информации.

– Ой, что вы, – замахала руками Нина. – Меня точно тогда выгонят с работы. Нет, не могу.

– Тогда, возможно, вы знаете, кто сфотографировал вас? Снимок, похоже, сделан в ванной комнате...

– Нет, – она замотала головой. – Здесь никого не было. А когда приехала милиция, то корреспондентов сюда вообще не пускали. Я понятия не имею, как получился этот снимок... Ой, заболталась я с вами. Мне пора пациентов поднимать.

В раздевалке я обратил внимание на зеркало. Видно, в пансионате равнодушны к ним – они всюду. Зеркало было огромным, во всю стену. Но не в размере его главная достопримечательность. Если оставить дверь, что отделяет раздевалку от ванной, чуть приоткрытой, то в зеркало хорошо видно, что происходит в ванной комнате...

2

Когда-то на месте пансионата была гостиница, построенная еще до Октябрьской революции, которую затем, еще в девяностых годах прошлого столетия, долго ремонтировали. Так долго, что даже местные жители стали забывать, что здесь на самом деле находилось.

И вдруг в течение каких-то нескольких дней все повернулось на сто восемьдесят градусов. Нахлынула строительная техника, заурчали краны и машины, здание одели в зеленую защитную сетку, и уже примерно через полгода перед изумленными ессентукчанами открылся фасад во всей своей красе. Над резной дверью висела красочная вывеска «Пансионат «Кавказский рай». На крыше целыми ночами сияла ярчайшая реклама.

Место было удобное – здание, словно величественный лайнер, выплывало на главную площадь, оставляя за бортом старинный лечебный парк с его тенистыми аллеями, ведущими к источникам с минеральной водой.

Стилизованный под старину пансионат скоро превратился в весьма модное заведение. В нем стали останавливаться популярные артисты, дающие между лечебными процедурами концерты и представления в местном гастрольном театре, кино и – шоу деятели, политики, бизнесмены, «новые» русские и «кавказцы». Бывали здесь и сомнительные личности, имеющие никому неизвестный источник доходов, тут же крутились проститутки, мошенники, завсегда-таи разных тусовок и презентаций и прочая околосветская публика.

Пансионат был необычайно дорог. Он предоставлял услуги с полным набором развлечений в сочетании с курортно-оздоровительными процедурами.

Вычурность и естественность, деловые встречи и непонятные сходки, политические саммиты и эффектные шоу – в этом роскошном пансионате под названием «Кавказский рай» бился нерв противоречивой российской жизни. Работали здесь молчаливые молодые ребята с хорошей спортивной выправкой в синей или черной униформе. То и дело у них пищали «мобильники», выслушивалась очередная информация и немедленно исполнялись приказания.

Небольшой городок, сохранивший до сих пор очарование провинциализма, как-то сжался от обилия именитых гостей и иномарок, которые заполнили площадь, от нового неожиданного состояния модности, к которому он никак не мог привыкнуть...

Особенности работы секретного сотрудника таковы, что он должен максимально вписываться в привычные представления, вкусы и образ жизни, бытующие в той среде, в которой ему приходится действовать. Если, конечно, работник не желает стать «погорельцем» или, другими словами, завалиться. Мне необходимо начать ухаживать за какой-нибудь женщиной, чтобы не казаться «белой вороной». Впрочем, и подходящий объект, наконец-то, появился. Нет, не просто подходящий, а весьма и весьма мне нужный.

...Одинокая скучающая дама появилась в пансионате сегодня утром, и уже днем перед обедом, направляясь по аллее Нижнего парка к четвертому источнику, я встретил ее возле питьевого бювета. Прислонясь к стенке, я прихлебывал теплую солоноватую водичку и наблюдал за дамой. Однако не только я один.

– Какова? – рядом со мной очутился Витольский, показывая взглядом на женщину.

– Очень недурна, – отозвался я. – И, кажется, без всякой свиты.

– О, да вы на нее тоже виды заимели, – усмехнулся Витольский. – Думаю, у вас ничего не получится. Кадр, конечно, аппетитный, но она сегодня, едва успев приехать, уже двоих отшила. Сам видел.

«Один из них явно был Витольский», – подумал я, а вслух лениво добавил: – Если бы у меня было время, может быть, я ею и занялся...

Расчет мой был верным. Азартный спорщик Витольский не мог пройти мимо такой наживки и тотчас клюнул:

– Держу пари, что у вас ничего не получится. Пять к одному, идет?

Предложение Витольского понимать надо так: если я проиграю, то ставлю пять бутылок коньяка. Если выиграю, то он – только одну.

– Идет, – согласился я.

Мы заключили пари, и я направился к стаканомойке, где в нерешительности стоял объект нашего спора. Женщина не знала, как пользоваться краном, чтобы сполоснуть стакан.

– Не надо трогать руками сосок крана, – сказал я. – Иначе вам обеспечен прохладный душ. Просто накиньте на него стакан и слегка нажмите на доньшко. Видите, как просто.

Леди признательно улыбнулась мне. Изображая из себя опытного волокиту, я принялся укреплять свои позиции.

– Похоже, вы из «новеньких». И где остановились, если не секрет?

– Пансионат «Кавказский рай».

– Замечательно, оказывается, мы с вами жители одного дома. Не возражаете, если до пансионата мы пройдем вместе?

Проходя мимо Витольского, я подмигнул ему, на что он с обескураженным видом развел руками.

Не торопясь, мы прогуливались по аллее парка.

– Ну, с приездом, – сказал я. – Очень рад тебя видеть. Ты, как всегда, неотразима.

Ксюша, Ксения, Оксана, Ксана или официально – Ксения Владимировна Ткачева, вот уже несколько лет – мой самый надежный помощник и связник, без нее я нередко, как без рук. Лучшего партнера представить невозможно. Во-первых, Ксюша – женщина, а значит, может работать в ситуациях, недоступных мужчинам. Во-вторых, она женщина красивая и умная, что делает ее возможности поистине безграничными.

Мы с ней, наверное, как никто другой, прошли все возможные степени отношений между мужчиной и женщиной: выступали в ролях любовников, жениха и невесты, мужа и жены, брата и сестры, сутенера и проститутки, незнакомцев, друзей, просто сослуживцев... Все зависело от конкретной «рабочей» ситуации.

Предвижу ехидный вопрос: неужели за столько лет мы хранили чисто платонические отношения? Отвечу сразу: да, было... Как-то нам пришлось изображать мужа и жену и спать в одной постели. Проснувшись ночью и ощутив рядом теплое тело Ксюши, я почувствовал сногшибательную страсть. Я обнял ее и стал нежно ласкать. Она забормотала что-то во сне и, обернувшись, тоже обняла меня. Искра превратилась в пожар, мы оказались в объятиях друг друга, и наша близость была... В общем, нам обоим не понравилось. Увы, через несколько минут я почувствовал, что моя страсть куда-то уходит. А потом исчезла совсем. Ксения легко высвободилась из моих объятий. Я был посрамлен, как мужчина, но в результате, наши взаимоотношения только выиграли. Мы были слишком сотрудниками и товарищами, чтобы стать любовниками.

Я сделал тогда маленькое открытие, что крепость отношений между мужчиной и женщиной зиждется не только и не столько на зыбком чувстве страстной любви, сколько на преданности и надежности партнеров. Это – фундамент, и стоит его нарушить, развалится все здание отношений. Что касается сексуальности, то я, как мужчина, искренне восхищался красотой и гибким умом Ксении и, естественно, старался никогда не ударить перед ней лицом в грязь.

Нынешняя легенда Ксении – одинокая скупающая леди. Богатая дама, не чуждающая авантюрных приключений. А я должен приволокнуться за этой женщиной.

Я рассказал Ксении то, что удалось выяснить за сутки.

– Самое важное сейчас – найти таинственного фотографа, снявшего медсестру. Им мог быть некто Пырев. Пока неизвестно, проживает ли он по-прежнему в пансионате или уехал.

Надо разобраться с редакцией журнала «Светские посиделки», узнать, у кого они выкупили эту фотографию? Не исключено, что медсестра, с которой я сегодня утром разговаривал, видела и самого убийцу, но запугана или подкуплена им. Посмотри, – я протянул Ксении свежий журнал, который купил в киоске по дороге к источнику. — Взгляд медсестры как будто направлен не на ванну, где лежала Разумовская, а чуть выше, словно она видит кого-то стоящего рядом. Хотя впечатление может быть обманчивым, ведь мы не знаем, с какого места произведен снимок.

Наконец, – это гоп-компания, с которой проводила время Разумовская. Отношения внутри «друзей» далеко не безоблачные. Я постараюсь подружиться с ними и их раскрутить. Кстати, Витольский, которого ты отшила, тоже из этой компании. Может, тебе с ним пофлиртовать? Хотя учти, мне придется проявлять страшную ревность.

Ксения рассмеялась, потом рассказала о новостях из центра.

– Комлев велел передать, чтобы ты был чрезвычайно осторожным. Кое-кто явно не желает, чтобы данное преступление было раскрыто. Он уже ощущает довольно мощное давление.

Я усмехнулся.

– Лучше скажи, какое дело у нас проходило без трудностей. Что-то я не припомню такого случая.

– Еще шеф сказал, что завидует тебе и готов поменяться с тобой местами – шикарный пансионат, красивая женщина...

– Что с Комлевым случилось, если он заметил красоту нашей Ксюши?

– Сама удивляюсь. Он давал инструктаж, потом вдруг, вздохнув, говорит: «Какая вы, Ксения Владимировна, очаровательная женщина».

– Ну, жди теперь официального предложения от шефа.

– От него дождешься. Последний раз подобный комплимент он сделал мне два года назад. Если будет продолжать такими темпами, то к старости у меня, может, и появится шанс выйти за него замуж.

Смеясь и оживленно болтая, мы добрались до пансионата «Кавказский рай».

3

Был час между восемью и десятью вечера, когда пансионат слегка затихал. Кто-то сидел в баре, другие устроились после ужина в ресторане или закрылись в номере с компанией и постепенно «набирались» там. Любители быстрых и недорогих сексуальных утех уединились в палатах с дамами легкого поведения.

После одиннадцати начиналась ночная жизнь отеля. Постепенно наполнялся стрип-тиз-клуб в псевдоказацком стиле – деревянные столы и скамьи, как в шинке, прислуга и охрана в традиционной униформе. Оживленно гудел соседний зал – там казино. Во внутреннем дворе между столиками, раскинувшимися вокруг уютного зеленого бассейна и разноцветного фонтана, сновали вышколенные официанты. В двадцать четыре часа обязательная изюминка – выступление приезжей знаменитой штучки, какой-нибудь очередной поп-звезды.

Неоднократно выступала здесь и София Разумовская. Сейчас ее нет в живых, однако ничего не изменилось. Люди по-прежнему веселятся, смеются, флиртуют, аплодируют, поклоняются новым кумирам, словно Разумовская для них и не существовала. Они не хотят тратить драгоценное время на мысли о неприятном. Зачем об этом думать, жизнь ведь и так коротка?

Пока не наступил час безудержного угара, я сидел в баре с Витольским, где мы допивали проигранную им бутылку коньяка. Витольский, у которого ежедневный «питьевой» сеанс начинался сразу после обеда, был на хорошем взводе.

– Ты нормальный мужик, Серега, и я сразу почувствую..., тьфу, проникся к тебе симпатией. Верить?

– Верю. Ты мне тоже симпатичен.

– Ты журналист, а я специалист по разным шоу. Мы оба творческие люди, знаем, что надо всем этим болванам, – он махнул рукой в сторону зала. – Хлеба и зрелищ, нет, водки и зрелищ – больше их ничего не интересует... Ничего, – он отрубил ладонью воздух. – Много жратвы и выпивки, побольше голых титок и попок – вот весь их интеллектуальный багаж... И ради этого я трачу свои извилины. Как мне обидно, Серега. Верить?

– Верю.

– Да, Серега. Я чувствую..., ощущаю..., тьфу, ощущаю в себе, может, потенциал Толстого или Достоевского, а вынужден травить примитивные байки, чтобы развлекать толпу, – он горестно покачал головой. – Вот и Разумовская. Была баба, без сомнения, талантливая, а сгорела, как мотылек.

Наконец, он перешел к теме, которую я так ждал. Теперь будем ее развивать.

– Я бы не сказал, что Разумовская была талантом. Конечно, может, нехорошо так о мертвых, но она, признайся, была певичкой средней руки.

– Ну, нет, – он указательным пальцем помахал перед моим лицом. – Ты Разумовскую не трожь. Ты видел ее только на эстраде, этакой вертушкой-погремушкой, потому что ее такой раскручивали. Думаешь, все эти нынешние звезды сами по себе взлетают. О, как ты ошибаешься! Из них делают то, что хочет спонсор, продюсер, в общем, тот, кто вкладывает деньги. А он желает эти деньги вернуть с большим-большим довеском. И жмет... Когда видит, что выжал из очередной глупышки все возможное, тогда отпустит ее и пусть поет себе, как хочет. Если сможет, конечно. Ха-ха... Да кому она только будет нужна? Пугачева или Ротару, те, конечно, личности. Но таких Ротару РРррр

единицы. Остальные – в основном, куклы. А Разумовская захотела стать личностью. Понял? Нет, ничего ты не понял. Пойдем со мной, я тебе что-то покажу.

Он уже было встал со стула, но, покачнувшись, плюхнулся назад.

– Нет, не пойдем. Сегодня не могу. Как –нибудь в другой раз...

– Кто же, интересно, раскручивал Разумовскую? – с безразличным видом спросил я.

Витольский не ответил, так как в этот момент в баре появилась Ксения. Увидев нас, она приветливо помахала рукой и подошла к нашему столику. Витольский, пошатываясь, галантно поднялся и стал усердно усаживать даму.

– Королева... Украшение, дивный цветок среди этого гнилого болота..., – бормотал он. –

Царица. Приказывайте все, что вашей душеньке угодно.

– Для начала закажите, пожалуйста, шампанского.

– Гарсон, лучшего шампанского даме, – заорал Витольский. – Нет, я сам вам принесу.

Он направился к стойке бара.

– Пырев сегодня уезжает в Москву третьим поездом в двадцать три тридцать. Вагон шесть, место седьмое, – улыбаясь самым очаровательным образом, произнесла Ксения.

Я посмотрел на часы. До отхода поезда осталось полтора часа.

Подошел с бутылкой шампанского и фруктами в вазочке Витольский.

– «Абрау-Дюрсо». Не поймешь, правда, какого разлива. Будем надеяться, что настоящего.

– Прошу простить, но я должен срочно позвонить в Москву, – сказал я, поднимаясь. –

К тому же мне надо еще поработать. На меня после спиртного всегда находит вдохновение.

– Иди, дорогой, поработай, – обрадовался Витольский. – А мы еще посидим, правда, Ксюша? Шампанского попьем.

– Обязательно, – восхитительно улыбнувшись, отозвалась Ксения. —Только закажите мне еще кофе.

– С удовольствием, моя прелесть.

Идя за мной к бару, Витольский бормотал:

– Я ее сегодня обязательно затащу в постель. Тогда ты вернешь мне и сегодняшнюю выпитую бутылку и еще пять проигранных.

«Блажен, кто верует», – усмехнулся я про себя.

4

Я домчался на такси до Кисловодска и, купив билет, теперь сидел в купе шестого вагона фирменного поезда. До самых Минеральных Вод поезд будет постепенно набирать пассажиров, а сейчас вместе со мной в вагоне ехала лишь одна молодая пара, которая, видимо, не желая терять драгоценного времени и приобретенной на курорте сноровки, сразу заперлась в соседнем купе и занялась любовью. Ведомый сыщицким чутьем, которое подсказывало мне, что необходимо встретиться с Пыревым, я не имел ни времени, ни возможности подготовиться к разговору с ним и надеялся лишь на счастливый случай.

Пырев вошел в купе в Ессентуках и, увидев меня, насторожено остановился у входа, но затем с каменным лицом прошел внутрь. В полном молчании, сосредоточенно посапывая, поскольку был упитан, он сложил вещи в багажник, причем я заметил характерную для профессионала сумку от фотоаппаратуры. Затем сел напротив меня за столик, покосился на журнал, который я перелистывал. По его лицу прошла едва заметная тень, и он быстро отвернулся к окну. У меня, естественно, был тот самый журнал с фотографией медсестры, демонстративно повернутый обложкой к Пыреву.

Мой прием с журналом оказался верным. Пырев снова покосился на обложку, пальцы его рук, лежащие на столике, судорожно забарабанили. Стремясь справиться с волнением, он полез в сумку и достал бутылку коньяка.

– Не желаете ли по рюмочке, так сказать, за дорожное знакомство, — предложил он.

– С удовольствием, — подхватил я. — И еще за окончание очередного курортного сезона.

Он разлил коньяк по стаканам, пододвинул один мне.

– Александр Сергеевич, — представился он, назвавшись не своим именем.

– Очень приятно. Николай Васильевич.

Мы выпили по одной. Он тут же разлил еще порцию.

– У меня такое впечатление, что мы где-то виделись. Мне знакомо ваше лицо, — сказал он.

– Вполне возможно. — Я сразу решил, что долго играть с ним в прятки не буду. Времени на дипломатические игры у меня совсем не было. Через двадцать минут поезд остановится в Пятигорске, затем — Бештау, вагон наполнится пассажирами. Поэтому так прямо и залепил. — Тем более, что вас я знаю, как Пырева Виктора Григорьевича.

– Кто вы? — он испуганно уставился на меня. — Что вам надо?

Я пододвинул ему журнал, показывая на фотографию.

– Ваша работа?

– Не понимаю. Представление не имею, о чем это вы.

– Пырев, ни времени, ни желания с вами спорить, у меня нет. Поэтому сразу к делу. Вы находились в ванной, когда погибла София Разумовская. Вы знаете, как и отчего она умерла.

– Я уже давал показания по этому поводу. Я ничего не видел. Ушел раньше, чем туда вошла Разумовская. Даже представления не имел, что там была именно она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.